

УДК902
ББК 63.3(2Рос=Алт)
М15

Рекомендовано редакционно-издательским советом
Горно-Алтайского государственного университета

Рецензенты:

Гавриленко М. В., кандидат исторических наук,
профессор кафедры иностранных языков
Новосибирского военного ордена Жукова института
имени генерала И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ
Эбель А. В., кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой истории и археологии
Горно-Алтайского государственного университета

Редакционная коллегия:

Бабин В.Г., (ответственный редактор) кандидат исторических наук ГАГУ
Куликов Ф.И., (технический редактор) кандидат исторических наук ГАГУ
Федосова Т.В., кандидат филологических наук ГАГУ

М15 Макарьевские чтения : материалы XIX международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 19-20 сентября 2024 г. / ответственный редактор В. Г. Бабин. – Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2024. – 379 с. – Текст: электронный.

В сборнике публикуются материалы XIX международной научно-практической конференции «Макарьевские чтения», организованной Горно-Алтайским государственным университетом, Горноалтайской епархией Русской православной церкви и Восточно-Казахстанским техническим университетом им. Д. Серикбаева (Горно-Алтайск, 19-20 сентября 2024 г.). В сборник вошли статьи, посвященные вопросам религии, истории и современному положению Русской Православной Церкви в России и за рубежом, взаимоотношению церкви и государства, этнографии, филологии, а также социально-политической истории региона.

Саналова Б.Б. (г. Горно-Алтайск, Россия) Топонимика Турочакского района Республики Алтай: семантические и структурно-словообразовательные особенности.....	198
Семибратова Е.А. (г. Усть-Каменогорск, Казахстан) Льянные орнаментированные полотенца с набивным рисунком из коллекции Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника	203
Степанова А.Д. (г. Горно-Алтайск, Россия) Авторская экскурсия как форма приобщения к историко-культурному наследию города	211
Токумбаев К.М. (г. Усть-Каменогорск, Казахстан) Актуальные задачи и направления фондовой работы музея-заповедника: опыт и реалии внедрения музейных учетных систем	217
Федосова Т.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) Новые англицизмы как ядро сленговой лексики российской молодежи	221
Черлюков И.Г. (с. Тондошка, Россия) Механизмы и функциональность внедрения инноваций в этническую культуру северных алтайцев в конце XIX – начале XX в.	225
Явнова Л.А. (г. Бийск, Россия) Репродуктивное здоровье женщин: частные и государственные практики в конце XIX – первой трети XX вв.....	239

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аксенова Л.Н. (г. Орехово-Зуево, Россия) Этапы становления образования в Горном Алтае (XIX – начало XX в.)	249
Анкудинова Т.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) Система социальной защиты населения Республики Алтай и города Горно-Алтайска в 1990-е гг.	255
Дегальцева Е.А. (г. Бийск, Россия) «Еврейский вопрос» в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	259
Королева Т.М. (г. Севастополь, Россия) Новые города Иркутской области как результат промышленного освоения данной территории (на примере, развития города Братска)	265
Летов А.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) Социально-политическая история Горного Алтая в первом послевоенном десятилетии	270
Никулина И.Н. (г. Барнаул, Россия) Некоторые аспекты научного изучения Алтая политическими ссыльными (80-90-е гг. XIX в. - начало XX в.)	275
Попов И.В. (с. Майма, Россия) К вопросу о территориальном размещении (локализации) сеока (рода) Чабат (Чебыковой волости) в документах 2 половины XVIII века – первом десятилетии XIX века	280
Пустогачева Т.С. (г. Горно-Алтайск, Россия) Некоторые аспекты влияния Чуйского тракта на развитие внутренней и внешней торговли в Горном Алтае в 1920-е гг.	287
Солодкин Я.Г. (г. Нижневартовск, Россия) Россия и Казахское ханство в конце XVI в.: о некоторых спорных проблемах ранней истории двусторонних отношений.....	291
Эбель Е.М. (г. Горно-Алтайск, Россия) Страницы истории высшего образования на территории Горного Алтая	297
Эшматова Г.Б. (г. Горно-Алтайск, Россия) Первые всесоюзные выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. (по материалам Ойротской автономной области)	304

РОССИЯ В XX- НАЧАЛО XXI ВВ. : ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ

Березин Г.С. (г. Новосибирск, Россия) Особенности проявления этнического экстремизма и меры противодействия	316
Гавриленко М.В. (г. Новосибирск, Россия) Формирование научного мышления на занятиях по истории (на основе англоязычных исследований)	319
Долгих Е.Р. (г. Новосибирск, Россия) Притеснения русской православной церкви в период проведения Специальной военной операции на Украине	322
Енчинов Э.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) Родной язык в системе семейных ценностей коренных жителей Республики Алтай (по результатам выполнения проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2024 г.»)	327
Ерёмина Т.Ю. (г. Киров, Россия) Некоторые вопросы формирования патриотизма как традиционной духовно-нравственной ценности	334
Козлов В. А. (г. Новосибирск, Россия) НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): мифы и штампы	339
Садыков К.М. (г. Новосибирск, Россия) Вклад татарского народа в военную службу Российского государства.....	346
Суховецкая Е.Ю. (г. Новосибирск, Россия) Формирование духовно-нравственных ценностей у курсантской молодежи	351
Торусhev Э.Г. (г. Горно-Алтайск, Россия) Особенности формирования и реализации социальной политики в отношении семьи в Республике Алтай (1990-х – начале 2020-х гг.)	354
Хвастунова Ю.В. (г. Горно-Алтайск, Россия) Политика укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей как общая задача государства и традиционных конфессий в России	368
Шитько В.В., Пайметов А.В. (г. Новосибирск, Россия) Участие войск национальной гвардии в охране тыла действующей армии: история и современность	375

**Репродуктивное здоровье женщин: частные и государственные практики
в конце XIX – первой трети XX вв.**

Явнова Лариса Александровна, кандидат исторических наук
ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет.
Бийский филиал им. В.М. Шукшина
<http://www2.bigpi.biysk.ru/wwwsite/news.php>
659333 Россия, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53
lar.javnova@yandex.ru

**Women's Reproductive Health: Private and Public Practices
in the late 19th – the First Third of the 20th Centuries**

Yavnova Larisa A., Ph.D. of Historical Sciences
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education.
Altai State Pedagogical University. Biysk branch named after V.M. Shukshin
<http://www2.bigpi.biysk.ru/wwwsite/news.php>
659333 Russia, Altai Territory, Biysk, Vladimir Korolenko st., 53
lar.javnova@yandex.ru

Аннотация. В фокусе исследования данной статьи находится репродуктивное здоровье женщин Алтая в конце XIX – первой трети XX вв. в свете дихотомии символики и практического опыта, частных и государственных практик. Выявляются ключевые традиционные представления о репродуктивном здоровье женщины, женском плодородии и деторождении. Уделяется внимание символическим аспектам женского плодородия. Прослеживаются государственные практики в отношении сохранения здоровья женщины в первые десятилетия Советской власти. Медицинское обслуживание населения было недостаточным, в связи, с чем сельские жители вынуждены были обращаться к бабушкам. Но, нельзя не отметить, что в годы Советской власти была разработана целая система законодательных актов, направленных на социальную охрану материнства и организацию медицинской помощи беременным. Тем не менее, разделы законодательных актов, запрещавшие аборт в условиях полного отсутствия средств контрацепции, лишили многих женщин возможности альтернативы и привели к увеличению числа нелегальных абортов, нанеся серьезный вред здоровью двух поколений советских женщин. Анализ практического опыта рациональных и магических приемов повитушества и медицинских практик родовспоможения показал, что в период конца XIX – первой трети XX века женщины Алтая прибегали к традиционным методам силу социально-экономических проблем: нехватка городских родильных домов и плохого транспортного сообщения.

Abstract. The focus of this article is the reproductive health of women in Altai in the late 19th – first third of the 20th centuries in the light of the dichotomy of symbolism and practical experience, private and public practices. Key traditional ideas about women's reproductive health, female fertility and childbirth are revealed. Attention is paid to the symbolic aspects of female fertility. State practices in relation to maintaining women's health in the first decades of Soviet power are traced. Health care for the population was insufficient, and therefore rural residents were forced to turn to their grandmothers. However, it should be noted that during the Soviet era, a whole system of legislative acts was developed aimed at social protection of motherhood and organization of medical care for pregnant women. However, sections of legislation that prohibited abortion in the absence of contraception deprived many women of alternatives and led to an increase in the number of illegal abortions, which seriously harmed the health of two generations of Soviet women. An analysis of the practical experience of rational and magical methods of midwifery and medical practices of obstetrics showed that in the period from the late 19th to the first third of the 20th century, Altai women resorted to traditional methods due to socio-economic problems: a shortage of urban maternity hospitals and poor transport links.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, женщина, традиционные и государственные практики, советская власть.

Keywords: reproductive health, women, traditional and state practices, Soviet power.

Комплекс обычаев и обрядов, связанных с рождением ребенка, занимает важное место в традиционной культуре любого этноса и представляет большой научно-теоретический и практический интерес. Важность данной публикации определяется коренными социально-

экономическими, культурными преобразованиями начала XXI в., которые привели к значительным изменениям демографических показателей и государственных конструкторов в отношении охраны материнства и детства. Создание в обществе благоприятных условий и предпосылок для достижения оптимального уровня репродуктивного здоровья, что позволяет женщинам благополучно пройти через этап беременности и родов и дает наилучший шанс иметь здорового ребенка. Состояние здоровья женщины при определенных неблагоприятных обстоятельствах может способствовать снижению ее репродуктивного потенциала, уровня здоровья и жизнеспособности поколений новорожденных на всех последующих этапах жизненного цикла их развития.

Тема, связанная с рождением детей и репродуктивной функцией женщины, всегда привлекала внимание ученых. Женщина у различных народов является символом продолжения жизни, плодородия, поскольку она производит на свет человека. Ввиду широкого круга исследований данной проблематики приведем лишь некоторые работы, касающиеся репродуктивных практик. Разработаны методологические подходы в исследовании взаимодействия института родовспоможения и материнской субкультуры в традиционной культуре русских и на современном материале центральных городов России [3; 22, с. 126–129; 23, с. 149–190]. Народная концепция зарождения и начала жизни исследована Т. А. Листой. Автор отводит большую роль в традиционных представлениях православному учению о деторождении [17, с. 142–170]. Д. А. Баранов, Т. Б. Щепанская, рассматривали изменения репродуктивного поведения в русской традиции и пришли к выводу, что отказ от материнства считался страшным грехом и связывался с апокалипсисом [4; 21, с. 221–223]. В. А. Зверев, рассматривая регуляцию деторождения на сибирском материале, отмечал влияние комплекса факторов [7, с. 31–35; 8, с. 127–145]. Освещение традиционных представлений русских Алтая, связанных с женской фертильностью и регуляцией деторождения представлены в работах Е. А. Коляскиной [12, с. 35–47; 13]. К настоящему времени достаточно полно изучена проблема социальной политики государства в отношении семьи в первой половине XX в., как на российском, так и на региональном уровне, в частности, в исследованиях М. Г. Котовской [14, с. 15], М. В. Антоновой [1], Е. В. Колгановой [11], Д. Н. Куликовой [16, с. 125–127]. Отдельные публикации отражают деятельность государства в отношении материнства и детства на Алтае в 1930-1970-е гг. [24, с. 254–259].

Основными источниками исследования являлись материалы архивных источников и статистических данных, полевые материалы автора, устные источники (записи интервью) из фондов Архива Лаборатории этнокультурных исследований (ЛЭИ) АГГПУ им. В.М. Шукшина г. Бийска, собранные в селах Алтайского края. Системный подход потребовал применения структурно-функционального анализа, что позволило реконструировать комплекс обрядов и обычаев, связанных с репродуктивной функцией женщины - матери русских старожилов и переселенцев Алтая. Историко-генетический метод стал основой выявления генезиса и трансформации представлений о репродуктивной функции женщины под влиянием культурных, социально-экономических и других факторов. Таким образом, цель исследования заключалась в выявлении частных и государственных практик репродуктивного здоровья женщин по материалам русских старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX вв.

«Добрым», (как говорят старожила Алтая) условием рождения и его предпосылкой считалось заключение брака. Ритуальные действия, предваряющие рождение ребенка, начинаются в составе свадебной обрядности. С этой точки зрения свадьба может рассматриваться как начальный этап родильной обрядности. Свадьба насыщена пожеланиями многодетности, выраженных в комплексе широко распространенных действий таких как, осыпание молодых зерном и хмелем: «как хмель плетется, так, чтобы род их плелся», - рассказывала Д. Д. Ми-

халева из с. Камышенки Петропавловского района¹⁰⁶. Обычай разбивания горшков с приговором «сколько в лесу пеньков, столько вам сынков, сколько в лесу кочек, столько вам дочек», записан от Е. А. Головиной, с. Солоновка Смоленский район Алтайского края. Ритуальный посад молодых на квашню распространен преимущественно у переселенцев из Витебской и Минской губерний¹⁰⁷. На свадьбе при совершении обряда «окручивания» молодой, две свахи женихова и невестина – разделяют волосы молодой на две пряди и начинают торопливо плести ей косы, если вперед заплетет женихова сваха, то первый ребенок у молодых будет мальчик, а если невестина, то девочка», – рассказывала А. А. Филиппова (старообрядка) из с. Топольного Солонешинского района Алтайского края¹⁰⁸. Рождение здорового потомства являлось одной из целей брака. «Обери, Господи, все, только детей оставь» – гласила поговорка бухтарминских старообрядцев [6, с. 84]. Продуцирующий смысл имели требования к месту и времени первой брачной ночи и самой свадьбы. Обычно постель стелила свекровь или мать невесты, у старообрядцев Солонешинского района готовила брачное ложе ряженая «родиха» (как бы беременная), т.е. женщина успешная в материнстве¹⁰⁹. Таким образом, успех в деторождении от этих женщин должен был передаваться новобрачной. По мнению Е. Г. Кагарова, для свадебного обряда характерно широкое употребление эротического фольклора, который, по представлениям русских так же обладал продуцирующим характером [9, с. 152–195]. У старообрядцев Солонешинского района родителям «честной» невесты наливали вино из бутылки, наряженной в бордовое платье [19, с. 265].

Метафора «женское тело – сосуд» характерна для восточно-славянской традиции [23, с. 149]. Н. С. Жукова, 1924 г.р. из с. Юртное Солонешинского района, чья свекровь была повитухой, рассказывала, что мамонька прежде, чем принимать роды, умывалась с мылом и читала молитву: «Отверзь двери, благословенная Богородица, надеемся на тебя, что не погибнем, избавимся тобою от бед, убоишься рода христианского» (эта молитва должна была способствовать тому, чтобы у роженицы расходились мышцы)¹¹⁰. Действия повитухи во время родов, которые были направлены на раскрытие женского организма. «Когда муки начнутся, бабушку зовут, знали они как «замки» открывать»¹¹¹. При трудных родах роженицу ставили на колени и заставляли братья руками за какой-нибудь предмет – веревку, подвешенную выше головы и подтягиваться на руках вверх, чтобы создать большое напряжение внизу живота, также давали выпить отвар чабреца (богородской травы)¹¹². При трудных родах элементы антиповедения усиливаются. В частности, отменяются даже те запреты, которые необходимо было соблюдать в период беременности [3, с. 92]. З. В. Нечаева из с. Новообинки Петропавловского района рассказывала: «При плохих родах роженица через мужа перешагивает»¹¹³. Здесь мы наблюдаем такое явление как «кувада». Хотя роды – женское дело, бывали случаи, когда муж принимал в них значительное участие. Иногда он оставался только для того, чтобы принести и нагреть воду, поддерживал жену при потугах, выполнял указания повивальной бабки. Среди многочисленных магических средств, способствующих нормальному процессу родов, основное место занимали действия, совершавшиеся по принципу подражательной магии. Считая, что «всякая замкнутость мешает быстроте родов». Так,

¹⁰⁶ Архив Лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2000 г. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Петропавловский район. с. Камышенка, записано от Михалевой Д. Д. .1926 г.р.

¹⁰⁷ Полевые материалы автора. 2000 г. Ф. 2. Оп. 2. Д. 5. Смоленский район, с. Солоновка, записано от Головиной Е. А. 1927 г.р.

¹⁰⁸ Полевые материалы автора. 2000 г. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Солонешинский район, с. Топольное, записано от Филипповой А. А. 1918 г.р.

¹⁰⁹ Полевые материалы автора 2011, Солонешинский район.

¹¹⁰ Полевые материалы автора 2000 г. Петропавловский район.

¹¹¹ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2013 г., Ф. 1. Оп. 12. Д. 3. Усть-Коксинский район с. Тихонья, записано от Бочкаревой В. .А., 1941 г.р.

¹¹² Полевые материалы автора 1999 г., Красногорский район.

¹¹³ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2000 г. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Петропавловский район, с. Новообинка. записано от Нечаевой З. В. 1915 г.р.

в с. Верхний-Уймон Усть-Коксинского района Л. М. Бочкарева рассказывала: «Если роды долгие, то нужно открыть все шторы, что есть в избе, открыть все замки, и на амбарах, везде-везде... Зажечь свечу и говорить: «Пока свеча догорит, тут и она родит. Аминь»¹¹⁴. Так же развязывали все узелки не только на одежде роженицы, но и у всех домочадцев; распускали роженице волосы. На подражательной магии основаны такие действия роженицы, как про ползание под столом, между ног мужа, под дугой, имитирующее рождение. Магия действия усиливалась и словесными приговорами. Так, например, роженицу поили водой, которой обмывали куриное яйцо, приговаривая при этом: «Как курица яичко скоро сносит, так бы и раба Божья (имя) скоро разрешилось» [15, с. 11].

Когда наступало время родов, женщину одевали в чистую рубаху. Перед иконой зажигали свечу, которая должна гореть «все время». Роженица «прощалась» (просила прощение у родных)¹¹⁵. В арсенале повивальной бабки немало приемов, основанных на прогревании роженицы: она оборачивает ей живот теплыми рушниками, обкладывает разогретыми овсяными зернами, натирает «громовой стрелой», подливает воду на протопленную печь, окуривает травами, собранными на Ивана Купалу, дает пить спорынью, настоянную в водке или воду с уголька, заставляет роженицу дуть во фляжку или вызывает у нее рвоту, напихав ей в рот волосы. Сакральные предметы: икона, громовая или четверговая свеча, пасхальная просфора, святая вода и освященный на Пасху мак – играют при родах важную роль. Так, например, роженице кладут на живот пояс, одолженный у попа, или рушник, освященный вместе с яйцами и свинойной на Пасху [10, с. 64–76]. Окончательная изоляция роженицы от остальных людей чаще всего манифестируется пространственным перемещением.

В отпращивании родильных обрядов у старожилов и переселенцев Алтая в конце XIX – первой трети XX вв. отмечались как общие русские черты, так и локальные специфические особенности. Это хорошо прослеживается на примере изучения семейной обрядности у таких этнографических групп, как старожилы, проживающие на территории Алтайского, Залесовского, Красногорского, Солонешенского, Третьяковского и других районов и переселенцы из Южнорусских губерний России в Петропавловском, Целинном, Троицком и других районах. В одних районах, эти обряды сохранились в более древних (архаичных) формах и справляли их, соблюдая традиционные правила, в других, они значительно упростились и некоторые из них потеряли былое значение.

Репродуктивное здоровье женщины в представлениях русских старожилов и переселенцев определялось ее поведением. Большинство элементов обрядности первого цикла, охватывающего почти весь период современности, представляло собой запреты, которыми определялось поведение женщины во избежание нанесения вреда будущему ребенку. Беременной нельзя было посещать покойников – ребенок умрет в утробе – в основе этого запрета лежало магическое представление о наличии внутренней связи между внешне схожими предметами и явлениями [18, с. 273]. Будущей матери не позволяли перешагивать через оглоблю, голик, сидеть на пороге, нельзя было пинать кошку или собаку – «у ребенка щетинка будет расти». О подобных запретах Н. В. Бисенева так рассказывала: «Если свинью и кошку пинать – будет щетинка, собаку – «собачья старость», через оглоблю перешагивать – будет заячья губа, через помой – волчья пасть»¹¹⁶.

Во время подготовки к обретению материнского статуса и вхождение в женское сообщество (то есть беременность), женщина получает множество советов от соседок и родственниц, знакомых и незнакомых женщин, уже имеющих опыт материнства: осязаемое нормативное давление. Именно на женщину ложилась затем ответственность за все формы

¹¹⁴ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В.М. Шукшина. 2013, Ф. 1. Оп. 12. Д. 2. Усть-Коксинский район, записано от Бочкаревой Л. М., 1950 г.р.

¹¹⁵ Полевые материалы автора 1999 г., Красногорский район, с. Карагайка, записано от Молодых М. Ф. 1916 г.р.

¹¹⁶ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2000 г. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Солонешенский район, с. Березовка, записано от Бисеневой Н. В. 1955 г.р.

проявления насилия членами ее семьи [22, с. 126–158]. Выкидыши объясняли как порчей будущей матери, так и ее каким-либо греховным проступком. Поэтому на всем протяжении беременности она должна была особенно усердно прибегать к средствам христианской защиты: регулярно креститься, читать молитвы, причащаться. Будущие матери особенно строго выполняли церковное установление, поскольку верили, что совершенный ими грех пагубно отразится на ребенке. Забеременев, женщина продолжала выполнять свои хозяйственные обязанности, которые также считались жизненно необходимыми. Несмотря на то, что беременности радовались, она не освобождала будущую мать от тяжелых домашних работ до самых родов, поэтому многие женщины рожали иногда прямо в поле. А. Д. Лозовая вспоминала. «У меня схватки начались, когда хлеб в снопы вязали, прямо в хлебе и опросталась»¹¹⁷. Если в семье хватало рабочих рук, и жалели роженицу, то её освобождали от тяжелых физических работ. У переселенцев, у которых преобладали малые семейные коллективы, беременные женщины чаще продолжали работать в поле, нередко рожали прямо на полосе [12, с. 38]. Некоторые зажиточные старожилы, например, бухтарминские старообрядцы для выполнения полевых работ нанимали работников, поэтому женщины в основном занимались домашним хозяйством [5, с. 44, 399].

Деторождение представлялось божественным даром, изменение репродуктивного поведения у русских Алтая считалось страшным грехом. По данным Е.А. Коляскиной в деревне детей не подкидывали, а сирот было принято брать на воспитание родственникам или односельчанам [12, с. 40]. По свидетельству полевых источников, информанты говорили о том, что: «Много детей у всех было, суразы были, но никто от детей не отказывался, все друг другу помогали»¹¹⁸.

При выборе невесты большое значение придавали ее физическому здоровью, чтобы она смогла родить здоровое потомство. По свидетельству Е. В. Поповой жительницы с. Топольное: «Здоровые были женщины. Фигуры были крепкими и таз, и груди. Легче рожали - физически работали»¹¹⁹. «Какая мать обиходная – вот и ребенок хорошо растет у обиходной. А если не обиходная, ей и никаких ни подстилочек, а в тряпки завернет и вырастит. Вот к нас уже при Советской родила девка-то, Зайцева Аришка – то. Она в руках посадила его, в тряпку завернула и в шубный рукав. И на печке все время сидит. Выросли. Сколько она их выродила. Была девка родивая. Есть крепкий человек, есть слабый. Сейчас вот коровка отелиться есть крепкая, а слабая – падает. Так и женщина, которая крепкая – так она на третий день пойдет, а какая не крепкая...»¹²⁰.

Продуцирующий смысл имели требования к месту и времени первой брачной ночи и самой свадьбы. Обычно постель стелила свекровь или мать невесты, т.е. женщины успешные в материнстве. Таким образом, успех в деторождении от этих женщин должен был передаться новобрачной¹²¹. По мнению В.А. Зверева, регуляторами зачатия выступали, во-первых, природно-климатический фактор. В весенне-летний период высокая интенсивность летних работ и естественное снижение способности к зачатию приводили к сокращению рождаемости порядка 14-15%. Культурно-религиозный фактор предписывал воздержание в постные дни, религиозные праздники, «когда стряпаешь» хлеб, «под воскресенье, под праздники», «месяц после родов», «перед церковью» [8, с. 136]. Несмотря на восприятие деторождения как нормального для женщины состояния, сам репродуктивный процесс не было принято об-

¹¹⁷ По воспоминаниям прабабушки автора Лозовой А. Д. 1902 г.р., Бийск 1985 г.

¹¹⁸ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011 г. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2. Солонешенский район, с. Сибирячиха, записано от Черноковой В. Л., 1937 г.р.

¹¹⁹ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011 г. Ф. 1. Оп. 10. Д. 4. Солонешенский район, с. Топольное, записано от Поповой Е. В., 1937 г.р.

¹²⁰ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2003 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1 Бийский район с. Новиково, записано от Иванниковой А. К., 1911 г.р.

¹²¹ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. Шукшина. 1999-2002 гг., Красногорский, Петропаловский, Солонешенский, Целинный, Алтайский районы.

суждать. Поэтому многие впервые рожавшие женщины не знали о сроках вынашивания ребенка. В народном представлении закрепились лексические формулы в виде поговорок: «Спать двоим – быть третьему». Срать да родить – нельзя погодить» [2]. Так, например, жительница из села Верхний-Уймон Усть-Коксинского района М. А. Булуакова, говорила: «На седьмом месяце тогда была - первого рожала. Было очень плохо мне. Совсем- совсем когда плохо стало, говорю сестре, сходи за бабушкой Анисьей... Сказала молчать всем, что ребенок родился. Ждала пока я и ребеночек окрепнет»¹²².

При общей материальной необеспеченности, при общих антигигиенических и санитарных условиях распространены были женские болезни. Более частыми заболеваниями среди женщин являлись «болетки брюха», «бела и красна грыжа», «женское бесплодие». Если это происходило, то нужно обязательно пить отвар травы зверобой и звать повитуху. К другим причинам, влияющим на бесплодность, относили болезнь, так называемую, «надсаду» - то есть внешними причинами обуславливаемое нарушение внутренних связей живота, вслед за которым непременно «пуп сорвется с места». Раз «сорвешь пуп», надлежит обратиться за помощью к бабке, умеющей «править живот». Е. И. Чайникова, жительница с. Пуштулим Ельцовского района рассказывала: «Бабка живот правила в бане, положила меня на полоч, ноги сгибала и подбирала руками, потом руками пуп крутила двумя пальцами по часовой стрелке»¹²³. Следующая, более распространенная, болезнь среди женщин «болетка брюха». Это общий термин, под которым понимается, что не все в порядке на «нутре». По отношению к женщине он почти всегда означает, особенно в послеродовом состоянии, страдания, главным образом половых органов. Если нет явных признаков болезни или просто не поддаются определению, то обыкновенно говорят: « Болетки каки-то все ходят: то спустятся ниже пупка, то подкатятся. Попьешь чего-нибудь – приотдаст маленько, на час полегчат»¹²⁴. Большинство маточных болезней у женщин, а в особенности в быту крестьянском, обязано своим происхождением родам, а еще более - тем приемам, какие при них употребляют знахари и бабки. Происходящие болезни до родов, после родов лечат при помощи различных отваров трав. Для увеличения молока в грудях кормящих дают пить навар укропа, растолченного в порошок, едят жареную морковь. Для уменьшения или для полного исчезновения молока в грудях женщины отнимают ребенка от груди матери и смазывают различными мазями.

Бесплодие для женщины признавалось «пороком», делающим ответственной одержимую им женщину; оно является для нее нередко источником морального принижения; лишает ее, наконец, единственной радости иметь детей, через которых мать прочно внедряется в семью мужа и получает залог утешения и покоя на старости лет. Поэтому каждая из замужних, намеренно или случайно, лишившаяся способности к деторождению, всеми силами стремится восстановить ее и все «средства» испробовать. Для этого пили различные навары трав и правят живот у лекарок. Кроме тяжелых подъемов и работы, падений, ушибов, побоев мужа, порчи, оговора, тех случаев, когда беременную ночью «домовой подавит»¹²⁵ и тому подобное, выкидыши приписываются таким прегрешениям матери, как несоблюдение постов, нерадивость в молитве, неверность мужу, совокупление с ним под праздник, и требует для своего предупреждения, главным образом, применение так же религиозных средств. Почти всегда выкидыши, подобно совершенному бесплодию, вели к раздорам в семье и составляют истинное несчастье женщины: «господь дает ребенка – дает пищу».

¹²² Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2013 г., Ф. 1. Оп. 12. Д. 6. Усть-Коксинский район, с. Верхний Уймон, записано от Булуаковой, М. А., 1937 г.р.

¹²³ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2012 г., Ф. 1. Оп. 15. Д. 1. Ельцовский район, с. Пуштулим, записано от Чайниковой Е. И., 1936 г.р.

¹²⁴ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011, Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Солонешенский район, с. Солонешное, записано от Максимовой Г. Г., 1938 г.р.

¹²⁵ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011, Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Солонешенский район.

Бесплодие чаще всего являлось следствием намеренного прерывания беременности женщинами – аборт, что приравнивалось к «великому греху»: «Великий грех делать аборт»; «Аборты делать Бог не велел»; «Боялись Бога... Греха боялись»¹²⁶. Для производства выкидыша в очень большом ходу различные механические приемы. Практически все информанты упоминают способы «выживания» ребенка: девки перетягивали живот полотенцами, веревками, поперечниками от конской сбруи, мнут и давят «нутро», клали на живот большие тяжести, ставят горшки, бьют по нему кулаками, скалками, вальками и т.п., а иногда наваливаются животом на тупой конец кола, упирая острый в землю. Поднимание непосильных тяжестей, прыгание с высокой лестницы, сеновала, перескакивание через бочку или высокую изгородь – все это не менее часто практикующиеся приемы. Вспоминает Е. В. Попова, врач, жительница с. Топольное Солонешенского района: «Не пройдет и недели, приходили с кровотечениями, кто палочки сами вводили, кто травы пили»¹²⁷. Из внутренних средств наиболее распространенным является питье керосина, крепкой водки, что нередко влечет за собой смерть. Некоторые старались «застудить кровь» и ходят по снегу босиком, а другие, без успеха или с успехом, иногда губительным для жизни беременным, прибегают к другим тайным средствам, тщательно скрываемым знахарками. На вопрос: «Что им дают?» – бабы обыкновенно уклончиво отвечали: «А кто их ведает?»¹²⁸. Старожилы полагали, что, если женщина сделает аборт, ее не родившиеся дети «сквозь ребра будут выглядывать»¹²⁹.

Медицинское обслуживание населения было недостаточным, поэтому сельские жители вынуждены были обращаться к бабушкам. В 1888 г. на всю Томскую губернию приходилось 33 врача, еще были волостные фельдшеры. В 1902 г. даже волостные села Бийского уезда находились от «медицинского врача» на расстоянии 15 - 280 верст, и только в с. Смоленском был местный врач¹³⁰. Расстояние от населенного пункта до врачебного составляло от 15 до 60 верст. Медицинское обслуживание на изучаемой территории внедрялось, но очень медленно. Этот процесс затрагивал, чаще наиболее крупные переселенческие села. Больниц в деревнях нет, за медицинской помощью нужно ехать за Бухтарму, 70 км. На телеге или 30 км. На лошади. Вследствие чего широко распространено знахарство. Медицинские участки – громадны, врач не имеет физической возможности поспевать везде и всюду. Лекарками являлись преимущественно старухи [6, с. 103].

Первые декреты Советской власти изменили и систему оказания помощи беременным и роженицам. Специальным декретом 1918 года был создан Отдел охраны материнства и младенчества при Народном комиссариате государственного призрения. Нельзя не отметить, что в годы Советской власти была разработана целая система законодательных актов, направленных на социальную охрану материнства и организацию медицинской помощи беременным. Сюда относились: и систематическое наблюдение в женских консультациях, и дородовой патронаж, и ранняя диагностика патологии беременности, и дородовая госпитализация беременных, и активная борьба с социальными болезнями типа туберкулеза, сифилиса, алкоголизма и прочее. Так численность населения в конце 1917 года составляла 91 млн. человек (села и города). На них приходилось женских консультация и амбулаторий 0,04тыс¹³¹.

¹²⁶ Архив лабораторий этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 1999-2002 гг., Ф. 1. Красногорский, Петропавловский, Солонешенский, Целинный, Алтайский районы; 2001–2005 Ф. 3., Кытмановский, Бийский, Чарышский, Солтонский районы.

¹²⁷ Архив лабораторий этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011, Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Солонешенский района, с. Топольное, записано от Поповой Е. В., 1937 г.р.

¹²⁸ Архив лабораторий этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2011- 2013 гг., Солонешенский, Чарышский, Ельцовский, Усть-Коксинский районы.

¹²⁹ Архив лабораторий этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2003 г. Ф. 3. Оп. 1-2. Д. 1, 6 Бийский район, Солтонский район, Шелаболихинский район.

¹³⁰ Государственный архив Алтайского края). Ф. 170. Оп. 1. Д. 147. Л. 32-33.

¹³¹ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. Ежегодник / Госкомстат РСФСР – Москва : Финансы и статистика, 1987. – с. 10.

В 1920–х годах началась настоящая революция в области медицинского обслуживания беременных женщин и новорожденных. В феврале 1920 г. на 500 тыс. населения Бийского уезда приходилось уже 9 врачей, 40 фельдшеров, 9 фельдшериц-акушеров¹³². Как показывают отчеты врачебных пунктов Алтайского края середины 1920-х гг. – 87,5 % родов проходило вне больницы, дома при участии повитухи¹³³. В 1924 году на Алтайскую губернию приходилось 25 гинекологических и 72 родильных коек, из которых 54 находились в городах, а 18 в сельской местности. В селах были оборудованы «родильные хаты» – чисто выбеленные деревянные избы. При врачебном участке с. Мамонтова открылось первое в сельской местности трехкоечное родильное отделение [20, с. 26]. На Алтае в 1925 году радиус работы участка составлял уже до 37 верст, на одну больничную койку приходилось 3,7 тысяч жителей [20, с. 11].

Считая аборт грехом, женщины, тем не менее, в силу ряда причин к нему прибегали. Были такие случаи, где аборт разрешали. Так в Барнаульском округе были две абортных комиссии: одна Окружная при Окргздраве и вторая в железнодорожном рабочем районе. На селе комиссий не было. Разрешали осуществлять аборт, в первую очередь, женщинам с опасными заболеваниями, которые могли иметь последствия для ребенка, а так же в случаях, угрожающих здоровью и жизни самой обратившейся за разрешением на аборт. Вторая очередь определяется по признакам социального положения, имея следующую градацию: работницы, жены рабочих, крестьян, служащие и жены кустарей¹³⁴. К тому же в 1920 г. был снят законодательный запрет на искусственное прерывание беременности¹³⁵, кроме самодельных абортов, производившихся вне медицинских учреждений (ст. 146.УК РСФСР 1922 г.).

Но не все законодательные акты, направленные на охрану здоровья женщин, имели однозначный положительный результат. Примером такого двоякого эффекта может послужить, например, Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года. Введенный в 1936 г. запрет искусственного прерывания беременности (кроме абортов по медицинским показаниям), о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об абортах, не исправил положение, а лишь заставил возвратиться к антисанитарным условиям его производства¹³⁶.

С одной стороны, это постановление действительно во многом усилило социальную защищенность женщин. С другой, – разделы документа, запрещавшие аборт со всей присущей тоталитарной системе категоричностью в условиях полного отсутствия средств контрацепции, лишили многих женщин возможности альтернативы и привели к увеличению числа нелегальных абортов, нанесших серьезный вред здоровью двух поколений советских женщин.

С середины 30–х годов XX в. большинство женщин, живших в сельской местности, рожали в колхозных родильных домах, появление которых в основном было связано с явной нехваткой городских родильных домов и плохими дорогами и плохим транспортным сообщением. «У Нинки уж 18 лет работает, она дорогой родила, где полотенцу, где что. Она поехала в роддом дорогой родила, что было по ней (она ничего не брала) халат взяла и завернула, ну а что правда.»¹³⁷.

¹³² Государственный архив Алтайского края Ф.Р. 10. Оп. 1. Д. 574. Л.21-22.

¹³³ Государственный архив Алтайского края. Ф. 17, Оп.1, Д.107, Месячные отчеты Мамонтовского врачебного участка за 1923-24 гг.

¹³⁴ Государственный архив Алтайского края» Ф. Р. 104. Оп. 1. Д. 98. Л.- 16

¹³⁵ Свод узаконений. 1920. № 30. Ст. 471 // Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 244.

¹³⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 года № 65/1134 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Союза ССР. 1936. № 34. Ст. 309. С. 510-511.

¹³⁷ Архив лаборатории этнокультурных исследований АГГПУ им. В. М. Шукшина. 2003 г. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Бийский район, с. Новиково записано от Емельяновой Н. Ф., 1927 г.р.

В этих колхозных роддомах (на 2-3 койки) акушерка принимала лишь нормальные роды. В протоколах отчетов по охране материнства и детства за 1927 год слабое использование акушерского состава объясняется исключительно «малокультурностью» населения большой территорией обслуживаемого района; в деревнях считают неудобным разглашать сведения о родах, боясь «урока» (сглаза). При вызове врача на роды не говорят, по какому поводу приглашается врач. До приезда медицинского персонала в большинстве случаев уже обращались к бабушкам или знахаркам. В 1920-е гг. в сельской местности (данные 1925-1926 г.) проведено 158 родов, вследствие такой загруженности выписка женщин из роддома и отделений производилась на 5-й, а иногда на 4-й день после родов, что, разумеется, было не в интересах здоровья женщин. Максимальный радиус разъездной акушерки 60 верст, средний – 39, минимальный – 24. На 16 тыс. населения приходится 1 акушерка, на 25000 – 1 койка [24, с. 255]. Типичным для села был и фельдшерско-акушерский пункт, работавший по типу амбулаторных учреждений. Акушерка такого пункта вела наблюдение за беременными, направляла их на роды в стационар, осуществляла патронаж молодых матерей и детей до года.

Таким образом, деторождение в традиционных представлениях русских Алтая являлось Богом данным предназначением женщины, обладавшим большой социальной значимостью. Важность деторождения для общества отразилась в обильной символике плодородия и продуцирующей магии. Соблюдение и выполнение соответствующих обычных установок и обрядов – есть необходимая предпосылка успешного рождения, здоровья и благополучия матери, ребенка и счастливой их судьбы. Изменение репродуктивного поведения было страшным грехом, особенно в традиционном представлении. Аборт ассоциировался со смертью, страхом, неминуемым наказанием, лишением возможности материнства. Социально-экономические и культурные изменения первой трети XX в. сказались на восприятии искусственного прерывания беременности как средства регуляции деторождения.

Библиографический список

1. Антонова, М. В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950-1960-е годы (на материалах Ленинграда) : специальность 07.00.02 «Отечественная история (исторические науки и археология)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Антонова Мария Владимировна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2010. – 25 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым 1857-1862 : монография / А. Н. Афанасьев. – Москва : Ладомир, 1997. – 502 с.
3. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов : монография / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург, Наука, 1993. – 238 с.
4. Баранов, Д. А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам) : специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Баранов Дмитрий Александрович ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2000. – 28 с.
5. Бломквист, Е. Э. Бухтарминские старообрядцы : монография / Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1930. – 459 с.
6. Герасимов, Б. В. В долине реки Бухтармы : краткий историко-географический очерк / Б. В. Герасимов // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества / Императорское Русское Географическое общество, Западно-Сибирский отдел, Семипалатинский подотдел. – Семипалатинск : Типо-литография Торгового дома «Плещеев и К», 1911. – 120 с.
7. Зверев, В. А. Годовой круг деторождений в селениях Сибири: влияние природы, экономики и религии (вторая половина XIX – начало XX в.) / В. А. Зверев // Гуманитарные науки в Сибири : научный журнал / учредители Сибирское отделение РАН, Институт истории СО РАН ; главный редактор О. Н. Шелепина. – Новосибирск : Сибирское отделение РАН, 2001. – № 2. – С. 31–35.
8. Зверев, В. А. Семейный демографический календарь: годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В. А. Зверев // Семья в ракурсе социального развития : сборник научных статей / ответственный редактор Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во НП «Азбука», 2001. – С. 127–145.
9. Состав и происхождение свадебной обрядности / Е. Г. Кагарова, Л. Я. Штернберг, С. Е. Малов [и др.] // Сборник Музея антропологии и этнографии : сборник научных статей. – Ленинград : Академия наук СССР, 1929. – Том 8. – С. 152–195.

10. Кабакова, Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции : монография / Г. И. Кабакова. – Москва : Ладомир, 2001. – 335 с.
11. Колганова, Е. В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история (исторические науки и археология)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Колганова Елена Владимировна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2012. – 26 с.
12. Коляскина, Е. А. Деторождение в традиционных представлениях русского населения Алтая / Е. А. Коляскина // Женщина в российском обществе : научный журнал / учредитель и издатель Ивановский государственный университет ; главный редактор О. А. Хасбулатова. – Иваново, 2008. – № 1(46). – С. 35–47.
13. Коляскина, Е. А. Дающая жизнь: традиционные представления русских крестьян Алтая о женском плодородии и деторождении / Е.А. Коляскина // Вестник Томского государственного университета : общенаучный периодический журнал / учредитель Томский государственный университет. – Томск, 2008. – № 317 (декабрь). – С. 105–109.
14. Котовская, М. Г. Гендерные очерки: история, современность, факты : монография / М. Г. Котовская. – Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. – 358 с.
15. Красноженова, М. В. Ребенок в крестьянском быту: семейный мир детства и родительства в Сибири конца XIX-первой трети XX вв. / М. В. Красноженова. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 1998. – 58 с.
16. Куликова, Д. Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1921-1925 гг.) : монография / Д. Н. Куликова. – Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2015. – 162 с.
17. Листова, Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX-начало XX веков) / Т.А. Листова // Русские: семейный и общественный быт : коллективная монография / И. В. Власова, М. М. Громыко, С. М. Гусева [и др.] ; ответственные редакторы: М. М. Громыко, Т. А. Листова. – Москва : Наука, 1989. – С. 142–170.
18. Миненко, Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVIII – первой половины XIX в. : монография / Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1979. – 352 с.
19. Мотузная, В. И. Свадебный обряд староверов Солонешенского района / В. И. Мотузная // Солонешенский район: очерки истории и культуры : сборник научно-практических материалов / Администрация Солонешенского района, Барнаульский государственный педагогический университет ; научный редактор Т. К. Щеглова. – Барнаул : Барнаульский государственный педагогический университет, 2004. – С. 255–268.
20. Родионов, В. Т. Здравоохранение на Алтае 1920-1987. Опыт, уроки, проблемы : монография / В. Т. Родионов, И. М. Дмитриенко, Л. М. Качакова. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1991. – 323 с.
21. Щепанская, Т. Б. Антиматеринство: к народной эсхатологии XX в. / Т. Б. Щепанская // Христианство в регионах мира : сборник статей / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; составители: Т. А. Бернштам, Ю. Ю. Шевченко ; ответственный редактор Т. А. Бернштам. – Санкт-Петербург : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, 2002. – С. 219–230.
22. Щепанская, Т. Б. Миф материнства и техники управления (женские символы и техники власти в русской этнической традиции) / Т. Б. Щепанская // Астарта: женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ : сборник статей / Санкт-Петербургский государственный университет, Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук (Кунсткамера) ; ответственный редактор М. Ф. Альбедиль. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – С. 126–159.
23. Щепанская, Т. Б. Пронимальная символика / Т. Б. Щепанская // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы : сборник статей МАЭ / Российская Академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; ответственный редактор Т. А. Бернштам. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. – С. 149–190.
24. Явнова, Л. А. Родовспомогательная помощь в селах Алтайского края / Л. А. Явнова // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011 – 2012 гг.: археология, этнография, устная история : материалы VIII международной научно-практической конференции (Барнаул, 18-19 апреля 2013 г.) / под редакцией М. А. Демина, Т. К. Щегловой. – Барнаул : АлтГПА, 2013. – С. 254–259.